

18+

Лена Элтанг

ПОБЕГ КУМАНИКИ



р о м а н



альпина
ПРОЗА

Лена Элтанг

Побег куманики

«Альпина Диджитал»

2006

Элтанг Л.

Побег куманики / Л. Элтанг — «Альпина Диджитал», 2006

ISBN 978-5-91-671057-1

«Побег куманики» можно назвать дневником путешествующего студента, сетевым журналом нового Вертера, монологом влюбленного, записками из сумасшедшего дома. Можно назвать и мистическим детективом: в нем есть монастырский лабиринт, археологи, воры, обманщики и даже артефакты, способные выполнять тайные желания, но взамен отбирающие жизнь. Персонажи этой книги не звонят друг другу по телефону – они читают чужую почту, пишут электронные письма, передают любовные послания через гостиничного портье и листают страницы средневековой рукописи. Кто все эти люди? Каким образом они оказались замешаны в историю, которую невозможно объяснить, но можно рассказать – так, что теряют значение пространство и время? И что все-таки означает слово «побег» в заглавии книги – безрассудное бегство из плена или слабый росток на колючем стебле? Награды и премии Вошел в шорт-лист премии «Национальный бестселлер» (2008) и премии Андрея Белого (2007), а критики назвали его «лучшим русским романом последних лет». Особенности Роман публикуется в новой авторской редакции.

ISBN 978-5-91-671057-1

© Элтанг Л., 2006

© Альпина Диджитал, 2006

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Часть первая | 7 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 27 |

Лена Элтанг

Побег куманики

Редактор *Владимир Коробов*

Издатель *П. Подкосов*

Главный редактор *Т. Соловьёва*

Руководитель проекта *М. Ведюшкина*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *Т. Мёдингер, Ю. Сысоева*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределённому кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Л. Элтанг, 2006

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

Издательство благодарит Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency за содействие в приобретении прав

* * *

Лена Элтанг

ПОБЕГ КУМАНИКИ

р о м а н

Третье издание

Издательство
«Альпина нон-фикшн»
Москва, 2023

альпина
ПРОЗА

Часть первая

Морас

сентябрь, 17

о чем я думаю?

даже самые обычные люди делают странные вещи

моя квартирная хозяйка, сеньора пардес, заглядывает в мой шкаф и трогает белье, утром я положил в ящик с трусами божью коровку, а вечером ее там не было

доктор тоже хорош – вечно зудит, что мои неприятности происходят от любви к словам, а сам велел мне писать дневник, каждый божий день, записывать все, что приходит в голову

на это уходит слишком много слов, они гудят в голове золотистыми шершнями, крошатся мерзлым молоком, прозрачными крабами разбегаются по песку, стрекозиным слабым ломом носятся по ветру, засоряют водосток крупной манной небесной, но если я перестану писать, все исчезнет

без даты

гармония превращается в хаос довольно быстро, достаточно вылететь одной клавише или лопнуть струне – всегда найдутся люди, которые любят сломанные смычки, разбитые окна и прочие вещи, означающие разорение, кавардак и свистопляску, эти люди придут и деловито все доломают

когда брат сказал, что уезжает, мне было пятнадцать лет, он собрал вещи, положил пистолет в дорожную сумку, постучал меня по плечу, и как только за ним закрылась дверь, я услышал, как лопнула струна, не так пронзительно, как в финале вишневого сада, а глухо и буднично, будто выстрелили в стену

в чеховской пьесе мне всегда нравилась одна сцена – не помню в каком действии – там, где раневская спрашивается о здоровье фирса, а он отвечает: позавчера! мы с братом так разговаривали довольно долго, я был фирсом, разумеется, поэтому в финале, когда вдали раздастся стук топоров, я всегда лежу неподвижно

сентябрь, 19

Доктор Дора просит пользоваться прописными буквами. Большие буквы раздуваются и мешают словам дышать. А точки застревают в горле, как рыбы косточки. Еще она все время твердит о боге. И о грядущих бедствиях. И спрашивает, о чем я думаю.

О чем я думаю? Мир надоел богу, как плохой театр, где труппа заносчива и бесталанна, а ради нескольких гениев содержать его тяжело. Крыша течет, счета за электричество, ремонт поворотного круга, ступени жертвенника вечно в крови. Поэтому бог давно сюда не заходит.

В книжках, которые я читал в детстве, планетарные бедствия случались сплошь и рядом. Зато неподалеку оказывались неземные существа, способные протянуть нам руку или, наоборот, все окончательно испортить. Трещины в земной коре, вирусы, превращающие людей в ящериц, свинцовые дожди, об этом узнавали где-нибудь в созвездии Псов, а дальше все было либо очень страшно, либо просто замечательно.

Когда я стану писателем, напишу книгу про то, как владелец плохого театра решил его навестить. Зашел на утреннюю репетицию, поздоровался с хористами за руку. В книге всем будет очень страшно, но кончится все просто замечательно. Книга будет для младшего дошкольного возраста, остальные уже не поверят.

сентябрь, 20

в кафе приходил сын хозяина, принес мне вишню в бумажном пакете, вишня помялась и испачкала ему рубашку, никакое благодетельство не бывает безнаказанным, сказал я, взял солонку и насыпал соли на красное пятно

фелипе – белозубый щеголь с ямочкой на щеке, у него добродушный широкий рот, хочется сунуть туда орех и ласково надавить на челюсть снизу

хозяин добавил мне десять тысяч песет в неделю, велел купить новые джинсы – я видел джинсы в витрине на пласта реал, цвета слоновой кости, такие были у моего брата, мы жили тогда в вильнюсе, папа еще не умер, а до этого мы жили в разных местах, потому что отец любил разные места

вспоминать отца или брата – все равно что думать о конце света, я обнес эти мысли кольями и оставил *негде далеко*, как велел максим грек, хотя брат мой жив и платит за всех моих докторов

как только позволишь памяти перестать тебе врать, позволишь ей не прятать одно в другое, будто кролика в пасхальное яйцо, сразу понимаешь, какое все слабое и на каком перетертом шнурке оно держится

сентябрь, 21

познакомился с соседом, зовут его мило, у него белые ноги и маленькая крепкая голова, он вышел ко мне на лестницу с яблоком в руках, похожий на босого похмельного ареса

я хотел бы стать его другом, к тому же на моем этаже сегодня нет воды

ты тот самый чокнутый квартирант? он смеется и дает мне полотенце, иди, парень, купайся! у него половинка чугунной ванны, колени упираются в подбородок, сквозь шум льющейся воды я слышу, как он гремит на кухне тарелками, кухня у него такая же, как моя, – она состоит из газовой плитки и подоконника

хорошо быть квартирантом сеньоры пардес, думаю я, выходя из эвкалиптовой пены, перед тобой открыты все двери и никаких проблем с самоидентификацией

хорошо быть квартирантом, думаю я

без даты

Так. Прописные. Сеньора Пардес грозитя меня выставить, я задолжал за два месяца. А еще я разбил ее цаплю, нечаянно. Она собрала цаплины кусочки в передник и унесла зачем-то. Неужели станет склеивать?

Вещи обманывают нас, ибо они более реальны, чем кажутся, так писал один англичанин. Если принимать их всерьез, они непременно обманут. Думаю, что склеенные вещи еще опаснее. Потому что к ним испытываешь жалость, а от жалости до любви рукой подать.

Мне жаль сердитую сеньору, синюю цаплю, Фелипе, который боится сказать отцу правду и ходит на милонги, как заправский кабальеро, глухого настройщика из соседней квартиры, доктора Дору, ее жесткую кушетку, пахнущую шариками от моли, и всех, кто приходит в наше кафе, потому что ночью их терзают демоны *soledad* и *desazón*.

Себя-то мне совершенно не жаль. Ни один человек, у которого есть крыша над головой, интернет, пригоршня травы и пачка печенья, не может быть в разладе с миром. Даже если он псих.

Записки Оскара Тео Форжа

Лондон, девятое октября

Мальтийские рукописи я должен разобрать за три недели. Я и за трижды три не успею. Коллеге Соллерсу достаточно трех дней, чтобы настроить отчет для Christie's, а у меня на такую работу уходит чертова уйма времени. Но что уж тут поделаешь? Господам госпитальерам придется подождать. Первая неделя у меня уйдет на заточку карандашей. Люблю начинать работу, имея под руками штук двадцать хорошо заточенных карандашей. В те времена, когда у меня были студенты, на столе в аудитории всегда стоял стаканчик с карандашами. Студенты знали, как угодить профессору О. Т. Форжу.

Теперь я затачиваю карандаши сам, а профессором меня называют по привычке. Оценщик, или, проще говоря, сортировщик, вот я кто. Знаток маргиналий, специалист по медным застегкам.

Прошли те времена, когда, проведя пару семинаров по патристике, я мог просто сидеть и смотреть, как растет трава. Сидеть и смотреть, как растет трава. Может быть, это единственное, на что я вообще способен.

Как бы не так, Тео, придется тебе поработать, парни из Welcome Trust уже завалили кабинет коробками, распространяющими нежный запах тления. После того как я отделию зерна от плевел, одним томам достанется гулкая музейная скука, а другим – болезненное веселье аукционов.

Кто бы мог подумать, что я застряну в этом подвале и все будет повторяться год за годом, до тех пор, пока человечеству не опротивеет его история и сафьяновыми переплетами не начнут топить городские котельные.

Все утро смотрел на первую коробку, сикось-накось заклеенную скотчем, как будто ее из китайской лавки привезли. Отправитель рукописей – госпиталь Сакра Инфермерия, Мальта.

Это не тот ли Сакра Инфермерия, где больных заносили по тоннелю, ведущему от гавани прямо в больничные палаты, а кормили из золотых тарелок? Хорошее место: в семнадцатом веке у них уже была библиотека, отделение для незаконнорожденных и шелковое белье на кроватях.

Однако странно, что орден не наложил на находку свою руку. А впрочем, они успеют это сделать и после того, как я разберу весь этот хлам. Наверняка у Welcome Trust даже есть соответствующее соглашение с рыцарями. Я даже в этом не сомневаюсь. Ведь если бы они наняли меня напрямую, то пришлось бы заплатить кучу денег, а так я просто выполняю свою обычную работу – копаюсь в старых греко-латинских бумажках. А начальство делает вид, что так и надо.

Скупые рыцари. Сэкономили на мне. А не является ли наш директор членом ордена? Кто ж его знает. Теперь только ленивый не является членом какого-нибудь тайного общества. Я – ленивый.

Морас

октябрь, 4

в ту осень мы топили геродотом

брат привез меня на отцовскую дачу, потому что в городе его искали – если бы не я, он бы просто уехал из страны, но оставить меня было не с кем, я был обузой и мог стать заложником дров нам хватило на первые два дня, потом брат нашел топор и стал вырубать елочки, посаженные вдоль ограды, ветки были сырые, горели плохо, и на растопку пошла отцовская полка со старыми книгами

я начал с переплетов, чтобы успеть почитать про варваров и эллинов, но успел прочесть только начало первого тома – вечером я сказал брату, что геродот тоже был изгнанником и боролся с тираном и что мы можем поехать в ассирию или фракию, я не против

брат все время говорил по телефону, а я сидел у печки, подбрасывая растопку, в доме оглушительно пахло хвоей, и мне казалось, что вот-вот наступит праздник

октябрь, 7

купил на развале возле колумбуса английскую книгу с оторванной обложкой и прочел там рассуждение о любви: смута и безвластие, расходы слишком велики, позы нелепы, а удовольствие недолговечно!

никогда не думал о любви как об источнике удовольствия, люди просто состоят из нее, хотя думают, что состоят из воды, а то, о чем говорит автор книги, – это жесты, сценические движения, или, скажем, телоположения

впрочем, в античном театре на них держались гармония и мелос, да вообще – все держалось, может, фелипе прав и мне следует знать, от чего я отказываюсь?

ночью я написал письмо и оставил на сайте знакомств *amor 2000*: русые волосы, серые глаза, рост метр восемьдесят два, родился в литве, *figura proporcional*, замешкался только на *bebida favorita*, но ведь не в этом суть, в клинике мне все равно дают только воду, живу в испании, знаю все языки, отвечу на все письма, девушкам можно не беспокоиться – про девушек я потом приписал, для загадочности

доктор говорит, что мои неприятности происходят от любви к словам
поэтому письмо такое короткое, в нем двадцать девять слов

без даты

прочел сегодня, что слово гетто от итальянского слова *плавильня* происходит! евреи в венеции селились в районе плавилен, то есть их селили, никто их не спрашивал особенно
плавильня – хорошее слово, в нем есть *вильна*, и *плавный*, и даже *love*

и еще плавильня – это змеиное слово таршиш, оттуда в три года раз приходил фарсисский корабль, привозивший золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян и павлинов, а может, и не фарсис никакой, а тарсис, испанская гавань, куда бежал иона, а тот, от кого он бежал, воздвиг на море крепкий ветер – и правильно сделал

бывают слова, где смыслы цепляются один за другой, будто мелкими блестящими крючочками, у моей няни был ящичек с такими – черными, красивыми и бесполезными
так и не узнал, зачем они!

октябрь, 9

грудь у доктора доры выпирает из треугольного выреза, как нога из тесной лодочки, она вздыхает над моими записками, будто нерпа, упустившая рыбу, человек, нашедший свое место, не ведет дневников, говорит она, и я улыбаюсь, я не видел ее с тех пор, как мы прервали дозволенные речи, по семь тысяч пятьсот пятьдесят песет за речь

вы написали объявление на сайте знакомств? она недоверчиво пожимает плечами, я одобряю, разумеется, но ведь вы отрицаете возможность близости, вы говорили, что вас волнует только несбывшееся, воображаемое, или вы снова меня разыграли? вам просто нельзя доверять, говорит она, говорит она, раскатывая свое галльское *p*, аккуратно, как кумранский свиток, и о чем вы только думаете?

о чем я думаю? я бы разрешил ей съесть себя после смерти, как океанограф мальмгрен капитану третьего ранга цаппи, мне было бы даже пррриятно

октябрь, 10, вечер

фелипе говорит, что дружка нельзя найти в интернете, как книжку нельзя купить в магазине, настоящие книжки бывают свалены в углу на чердаке снятой на лето рассохшейся дачи, или стоят в коробке с надписью *papel y cartón* в библиотеке санатория, куда ты устроился сто-

рожем, или на столике кафе, в коричневом шуршащем пакете, забытые кем-то, увидевшим кого-то очень нужного – за стеклянной стеной, под дождем, на улице – и помчавшимся вслед, смешно натянув пиджак на голову

у фелипе волосы, как два взъерошенных сорочьих крыла, он расстроен, потому что никто не ответил на мое письмо, и презрительно цедит: амо-о-о-р две тысячи, да я бы им ни сентимо не дал, тоже мне амор за такие деньги

я мог бы рассказать ему про отсыревшую пианолу, морозное выбеленное небо в мандариновой цедре, про усадьбу на камышовом озере и про брата, который меня ненавидит *аки крамолника и злодея внутреннего*, а к рождеству присылает мне кашемировые свитера, всегда одинаковые, но не стану – у меня просто не хватит испанских слов

**Доктор Йонатан Йорк – доктору Фрейзеру,
клиника Аксельбергер
(служебная записка)**

Oktober, 13

Ув. герр Фрейзер!

Покидая Вашу клинику, где я основал и прославил отделение геронтологии, хочу заявить, что немало удивлен, мало того – преисполнен негодования. Я рассчитывал на то, что в сложившейся ситуации за меня заступятся мои коллеги. А в особенности – Вы, доктор Фрейзер, человек, чье имя в науке стало известным благодаря моей многолетней работе и моим успехам в области новейшей фармацевтики.

Глубокое разочарование, а также природная деликатность не позволяют мне вступать с Вами в дискуссию по поводу правомерности и моральной подоплеки Ваших действий. В свете последних событий мне остается только заявить о своем уходе, что я и делаю с чувством невосполнимой потери.

Если бы уважаемые коллеги, доктор Теодор Бильрод и доктор Карл Ландштайнер, столкнулись бы с подобным произволом, мир не знал бы о существовании четырех групп крови и отрицательного резус-фактора, не говоря уже об операциях по удалению желчного пузыря у высших приматов.

Итак, прошу считать меня уволенным с первого числа следующего месяца.

*С уважением,
доктор Й. Йорк,
MD, PhD, заведующий отделом
научных исследований Института
внутренних болезней*

Морас

октябрь, 14

я получил ответ, точнее, два ответа!

один от парня по имени лукас, он живет на мальте, работает в каком-то отеле, принеси-подай, в точности как я, щеки у лукаса сливового оттенка, а волосы скручены колоском и смешно приколоты к затылку, правда, фотография обрезана, и все остальное мне придется придумать самому

лукас снился мне еще в больнице, я его сразу узнал, доктор говорил, что он был *fantaseo* – плод воображения, но я-то знаю, что мне снятся взаправдашные люди, а не плоды

второе письмо было от девушки, я помню только первую фразу: морас! напрасно вы пренебрегаете... дальше я не читал

девушки беззвучны, они только отражают наши слова, как упругая стенка в зале для сквоша отражает силу удара – в больнице был такой зал, по утрам там играли врачи и сестры, они смеялись и утирались полотенцами, я тоже хотел играть, но сказали, что это агрессия и мне нельзя

l'habit fait le moine

что мне надеть? мы идем в клуб на пласа каталанья

продолжим после клуба у нас в кафе, говорит фелипе, отец на неделю уехал в валенсию, так что я за главного! позовем красивых людей, купим вина, сдвинем столы и развесим фонарики, ты кого-нибудь встретишь и займешься наконец любовью, а то пропадаешь ни за грош

любовью не надо *заниматься*, думаю я, стоя на стуле и раскручивая провода с гирляндами, как не стоит заниматься дождем, молнией, хамсином или мистралем, ей надо любоваться, будто золотистым карпом в пруду, и желательно издали, а то стукнет током и кино остановится

люди стремятся к телам других людей, потому что им тоскливо в своих собственных, и еще – потому что им сказали, что красотой следует обладать

но как можно обладать химерой? красота – это морок, преломление света, в каждом столетии она другая, смешно надеяться, что трением и скольжением ты заставишь ее покориться или хотя бы сможешь осознать

фелипе уже пришел, а надеть нечего, кроме вельветовых штанов и черной майки – в других вещах я выгляжу нелепо, для свитеров у меня слишком узкие плечи, для галстука слишком тонкая шея, для рубашки слишком длинные руки, для пиджака слишком простое лицо, к тому же у меня нет пиджака

вот если бы я мог носить хитон, гиматий или хламиду
или красный пеплос, на зависть афине палладе

je ne voudrais pas mourir

dans la langue espagnole

как бы я хотел выходить из дома тайком, ускользать, уклоняться, избегая вопросов, пробираться через черный ход, как фелипе – его вечно останавливают отец или тетка

мне некому давать отчет, некому врать, незачем задирать голову на башни собора в мдине, где одни часы собора показывают время, а другие – день и месяц года (так жители пытались запутать дьявола), никто меня не ждет, я забыл, что такое торопиться домой, да и не знал никогда

еще я забываю русский, сегодня раскопал в парке свой секрет и понял, что забыл имена вещей, долго вертел в руках стеклянного мальчика с осколком, растущим из спины, потом вспомнил, что это подставка для ножа!

сначала они стояли в буфете – два недобро глядящих пухлощеких амурчика, соединенные стеклянной осью, потом второй мальчик откололся и пропал, помню, что в детстве я называл их столовыми ангелами, когда папа умер, столовый ангел достался мне

а куда делся тот, второй? можно спросить у брата, правда, он знать меня не хочет – вот уже пять лет, как он не подходит к телефону, не пишет, знает только шлет свитера и оплачивает больничные чеки

может, он откололся и пропал?

без даты

лукасу несладко со мной придется, говорю я наконец, чтобы нарушить молчание, в комнате доктора так тихо, что слышно, как бьются флаги на ветреной площади, сегодня día de la hispanidad, люди мне нравятся, пока я ими люблюсь, восхищаюсь, устремляюсь и все такое, но если надо что-то делать, от меня никакого толку!

а что вы с ними делаете? спрашивает доктор дора, перевернутая, оттого, что я смотрю на нее с кушетки, запрокинув голову

делаю? да стоит кому-нибудь положить руку мне на колено, как я начинаю тосковать, чесаться и сворачиваюсь, будто жук на ветке, – так было на вечеринке в нашем кафе, я просто ушел спать, хотя был весел и пьян

что же заставило вас уйти? нарушение ваших границ?

да нет у меня никаких границ! меня пугает их голод и оголтелая легкость во всем, никто ведь не знает, какое все слабое и как легко все потерять, говорю я, разглядывая снизу ее слабые капроновые колени

может быть, ваш друг прав и вы сами придумали себе табу?

и вы туда же! ведь это совершенно необратимо, понимаете? ты делаешь простую вещь – суешь в другого человека язык или, скажем, палец, а когда достаешь, он становится другим, теперь он обладает знанием, которым не обладаешь ты, – о черных ледяных промоинах, о лиловой ряске, об алой осоке на белом глинистом берегу, да мало ли что он может там постигнуть, от этого знания ты уже никуда не денешься!

да вы просто расчетливый девственник, друг мой, говорит она весело, обнимая свои капроновые колени – их бы царю солomonу показывать, вступая в стеклянное озеро, но дородная дора не шеба, она не ошибается!

октябрь, 18

Один клиент ночью искал какую-то статью в сети. Я носил ему кофе и менял пепельницы. Потом он ее распечатывал, по сто песет за страницу. Говорил, что покупает здесь тишину. Говорил, что дома не может работать.

У меня тоже был дом, и наш папа там работал. Это было однажды летом, когда он был жив. Я помню его стол и машинку оранжевую. На столе толстое стекло, под ним бумажки с телефонами, старые счета, квитанции.

Хорошее слово – квитанция! Оно от латинского слова quietus происходит, это значит *тихий*. В кабинете всегда было тихо. Папа работает, говорили мне, и я садился на подоконник с книжкой и мокрыми ягодами в миске. Или еще хлеб с маслом и сахаром. Чисто блокадник, говорила няня, вкуснее хлеба ничего не знает. Еще няня говорила – касатик, и я думал, что это от слова косить, один глаз у меня немного косил, потом это прошло. Оказалось, что это от слова коса – мальчики с косами в старину считались красивыми, вот почему.

У Лукаса есть коса. Лукас – касатик!

**To: Mr. Chanchal Prahlad Roy,
Sigmund-Haffner-Gasse 6 A-5020 Salzburg
From: Dr. Jonatan Silzer York,
Golden Tulip Rossini,
Dragonara Road, St Julians STJ 06, Malta
Oktober, 19**

Дитя мое, Чанчал. Вот уже две недели, как я на острове, но так и не загорел. Впрочем, я не слишком-то загораю и в горах – ты, верно, помнишь те две недели в Целль-ам-Зее? Мне нравится, что у нас такая разная кожа. Твоя шафрановая кожа ария и моя кремовая – арийца. Это так же красиво, как красные быстрые трамваи в пустынном заснеженном городе.

Пляжи здесь грязны, а народ дик и безобразен. Впрочем, изгнаннику везде паршиво, где бы ни встал, чувствуешь свои деревянные пятки. Писать тебе о том однообразном занятии, которому я посвящаю свои дни, мне не хотелось бы, хотя я понимаю твоё любопытство.

Археология – чуждая мне наука, от нее у меня отупляющая *mal de mer*, но что мне остается? Респектабельная публика не примет доктора Йорка в свои объятия, пока доктор Йорк не найдет способ вытряхнуть своих блошек из спального мешка. А блошек мы с тобой развели немало, дитя мое. Разумеется, я не предполагал, что придется отчитываться на первой стадии *Untersuchung*, когда нам, по сути, еще нечего было сказать. Но, помилуй, с какой же скоростью скандальное происшествие получает огласку!

Ты пишешь, что после моего отъезда все улеглось, как морская вода, политая маслом? Я не удивлен. О нет. Негодование этих людей было таким же напускным, как их дружелюбие, когда мы с тобой были на коне и получали гранты, премии и все, чего душа пожелает.

Я получил оба твоих письма и полон благодарности, но отвечать тебе был не в силах. Все эти дни я возвращался в гостиничный номер, выпивал бутылку вина, сидя на подоконнике – окно мое выходит в олеандровый сад, правда, он и жалок, и неухожен, но все-таки сад, – и ложился лицом к стене.

Я агонизировал, Чанчал. Я испытывал попеременно бешенство, отчаяние, усталость, я расписывал июльские события кислотными жгучими красками, восстанавливая их до мельчайших подробностей, всем своим существом все более отвращаясь от жизни.

Признаюсь тебе, мне было нелегко не писать домой, я не писал даже матери в Халляйн, хотя представляю, как она волновалась. Мне хотелось исчезнуть, превратиться в *Jedermann*, в имярека, которого никто не замечает.

Помнишь, я рассказывал тебе о первом Зальцбургском фестивале – о том, что мой дед вместе со Штраусом и Райнхардтом устроили в двадцатом году? Они поставили спектакль по Гуго фон Гофмансталу, он назывался «*Jedermann*», герой в этой пьесе замучен стыдом и воспоминаниями, в финале он умирает, как ты, наверное, уже догадался.

Я тоже хотел умереть, но теперь передумал.

ЙЙ

November, 4

Чанчал, дитя мое!

Victors need never explain, success is never blamed. От тебя зависит мое возвращение, оно в твоих руках, не упусти моего стеклянного сердца! Сделай, что следует сделать, и мы вернем себе лабораторию. Сделай это.

На моем столе стоит твоя фотография. Та самая, что я сделал прошлой весной, когда мы поняли, что окончательно запутались. Помнишь? Ты был так несчастен, так неловок, ты боялся, что нас увидят, поймают, осмеют!

Каждый раз, когда я смотрю на нее – а делаю я это ритуально, по три раза на дню, – я вспоминаю, как ты рассказывал мне, что в Индии все делается три раза, а не два и не четыре. Даже у слона бога Индры, сказал ты, и то три головы. Хотя это жутко неудобно. Мы с тобой сидели в индийском ресторане, и я злился на гарсона, важно проходившего мимо нас, не желая замечать мой поднятый палец.

– Третий раз сработает! – сказал ты и кивнул ему почти незаметно. О мой дивногубый кшатрий. Через пять минут на столе стояли пакора и чана масала. Видишь, милый мой, я помню все, что мы ели и пили вдвоем.

Напиши мне подробно, что происходит в лаборатории – чтоб она сгорела! – занимаешься ли ты своей темой и намерен ли ты продолжать то, что мы начали. Полагаю, что намерен, дитя мое. Не станешь же ты говорить мне о невинных жертвах спешки и небрежности, как это делал фон Петекофер!

Помни, что мы с тобой в двух шагах от триумфального дня, когда те, кто пытался играть с нами свое простенькое *e2-e4*, остекленеют от зависти. Ты ведь знаешь, у средневековых шахматистов король имел возможность пойти конем, если ему угрожала опасность. Эта возможность, единственная за всю игру, называлась весьма убедительно: прыжок короля.

Ты – мой троянский конь, Чанчал, и я пойду тобой. Нет, ты – мой боевой индийский конь. Как там говорилось в гимне поклонения Бхагавати, который ты читал мне в нашу первую ночь?

«Огромный, в драгоценной сбруе, украшенный золотом,
издающий глубокие нежные звуки, быстрый, как ветер,
равный сотне коней».

Видишь, я все помню. И не пиши мне всех этих *alle bemitleiden dich* больше, умоляю тебя, Чанчал. В твоих черешневых устах это выглядит как богохульство.

ЙЙ

Морас

октябрь, 19

я поеду на мальту, зря я заплатил сеньоре пардес за месяц вперед
еще придется платить за разбитую цаплю и прожженную галисийскую скатерть с белыми птицами, у нее везде птицы, и сама она похожа на птичницу с картины какого-нибудь фирмен-жирара

фелипе говорит, только болваны летают самолетами

на мальту ходит круизный пароход, говорит он, заодно увидишь рим и монте-карло, я посмотрел в компьютере, девяносто шесть тысяч песет! никак не могу привыкнуть к новым деньгам, хотя старых уже давно нет, многие здесь считают в тысячах, а потом поправляются, улыбаясь со значением

приятель фелипе моет посуду на *принцессе морей*, он поговорит с ним во вторник, может, у них отыщется место в обслуге, я готов драить все четыре палубы, если меня повезут сто тысяч лошадиных сил

вот оно как! фелипе и лугас играют на небесах в четыре руки, а я сижу на полу и тихонько жму на педаль

октябрь, 22

ПРОПИСНЫЕ. Написал еще одно письмо Лукасу.

На вчерашнее он не ответил, но было воскресенье. У него, наверное, нет денег на интернет. Такой же нищевод, как я, и живет, небось, у мальтийской сеньоры Пардес за гипсовой перегородкой. Я много читал о Мальте в эти дни. Прочел, что на острове был такой еврей Варавва, его бросили в кипящий котел, в который он сам собирался бросить турка Калимату. Или губернатора Фарнезе. Или наоборот. Варавва мне понравился, он пил настой из мака с мандрагорой и крепко спал. Все думали, что он умер, а он лежал за крепостной стеной.

И еще там есть самый старей на свете храм – если смотреть на план, он похож на толстую женщину, а вход в храм через это самое место. Оно у нее должно быть просторное и добродушное. Там вообще много толстых женщин, а богиня у них была без головы. Звали Сансуна. Голова хранилась отдельно, в кладовой, ее пристраивали жрецы, когда нужно было.

сбудется все, возможность чего отрицал

каждый раз, когда я утром выхожу на рамблу, в проходном дворе в переулке капуцинов уже качается растрепанная голова хуана, его кафе состоит из дыры в каменной кладке и деревянной доски, хуан сидит на складном стульчике и поджидает тех, кому нужно выпить в половине восьмого утра, по левую руку у него бутылка с коричневой тростниковой жижой, а по правую – стопка картонных стаканчиков

сегодня я первый раз купил у него стаканчик, просто хотелось с кем-то поговорить и показать фото лукаса, а кого в барселоне заставишь слушать такое в половине восьмого утра?

хуан повертел фотографию в руках, ухмыльнулся, достал из-под прилавка свой стаканчик – у него стеклянный! – и выпил за *вида лока*, я положил монету на прилавок и пошел в сторону порта, тростниковая сладость сковала мне язык, я сел на парапет, и колумбус в засиженном голубями камзоле повернулся ко мне спиной, *she's into superstitions, black cats and voodoo dolls*, сказала радио на пляже и закашлялось

пора мне ехать на мальту, вот что

Записки Оскара Тео Форжа

Лондон, двадцать четвертое октября

Наконец-то я приступил к мальтийским документам. В основном, как и следовало ожидать, – это монастырские хроники, письма и рукописные служебники, кое-что даже в приличном состоянии. Среди всего прочего обнаружился фармацевтический справочник, довольно типичный – печать в две краски, цельнокожаный переплет с бинтами по корешку, гравированный фронтиспис.

Текст переложен рукописью – или письмом? – алхимического, насколько мне удалось уловить, содержания. Хотя, чтобы в этом убедиться, неплохо было бы перевести пару страниц. Начало у рукописи отсутствует, конец – тоже, а из некоего подобия колофона следует, что написал ее некий брат *Joannes*, хорошее имя для ученого монаха, надо заметить.

Как я успел заметить, язык рукописи – или, скорее, письма? – изобилует греческими словами и, что самое интересное, в нем отсутствует обычная для подобного рода текстов сверхъестественная муть. Никаких тебе киммерийских теней, черных драконов или красных львов.

Речь, без сомнения, идет о *Transmutatio*, но в каком-то совершенно неожиданном контексте. Я успел понять, что автор манускрипта поручает что-то важное своему адресату, живущему на острове, причем поручение здорово смахивает на приказ. Упоминается монастырская кладовая с какими-то драгоценными вещами, но нет ни карты, ни указаний, ни названия монастыря. А жаль, в детстве я только и думал о том, как бы найти сокровище. Пиастры, рубины, луидоры, жемчужины величиной с кошачью голову. *Fifteen Men On the Dead Man's Chest!*

Не уверен, что господам госпитальерам обязательно об этом докладывать. Библиотека для них – всего лишь собрание аукционных лотов, никто даже не удосужился полистать красивый справочник хотя бы из любопытства – а ведь Иоаннова бумага выпала бы им прямо в руки!

Во всяком случае сначала я сам прочитаю письмо целиком. Придется освежить латынь и греческий, ничего не поделаешь. *Yo-ho-ho and a bottle of rum!*

Морас

октябрь, 29

лукас пишет, что на мальте пьют вишневое вино, домашнее, он покупает его на рынке в марсашлокке, сколько чудесных *и* в этих словах

сегодня шел по рамбла де санта моника, а потом по рамбле капуцинов, рамбла по-арабски это *высохшее русло*, выходит, все реки здесь бывшие

приятно думать, что идешь по чистому, сухому дну
испанская профессор джоан фелис меня полюбила, имя у нее трехслойное, как юбка танцовщицы, а веки – скорбные скорлупки

вчера она поила меня чаем и крутила пластинку своего мертвого мужа, пластинка квохтала, а я рассуждал о stravинском, с трудом припомнив название кантаты свадебка, и держал мохеровые нитки на вытянутых руках

про брата я рассказывать не стал: плохо рассказанные воспоминания изменяют прошлое, а плохо придуманные – будущее

odi et amo

я еще в больнице заметил, что врачи относятся к тебе с нежностью, когда знают, что ты выздоровеешь, какая-то безжалостная пружина в них ослабевает, что ли, ты уже не просто *estado desesperado*, стружка реальности, пригодная разве на растопку, ты еще не равен им, но ты уже нечто другое

из случайного и слабого ты восстаешь в напряженное и постоянное, и вот уже валькирии ткнут материю победы, продевая в твою основу ловкий уток из красных стрел, и врачи смотрят на тебя как сытые боги, и танцуют радостно в камышовых коронах, а раньше смотрели как на *село скудельниче* – это я хорошо помню, хотя многое начисто забыл

ноябрь, 1

о чем я думаю? о мальте

думать о мальте – это как стоять за спиной у человека, еще не знающего, что ты вернулся домой, смотреть, как он переставляет книги или моет тарелки, – ты стараешься не дышать и ждешь, когда он обернется, но он уже почувствовал тебя и нарочно не оборачивается, время становится точь-в-точь как плавающий нейлоновый снег в стеклянной игрушке

у стекла такая приятная тяжесть, шар холодит ладонь, и внутри у него марципановый домик

ноябрь, 2

ПРОПИСНЫЕ!!!

Лукас спрашивает, почему я зову себя Морас.

Это долгая история, впрочем, можно и покороче. Moras – это испанская куманика. Точнее, ежевика, но разница только в сизом налете на иссиня-черных ягодах. Ежевика любит залитые солнцем берега, а куманика – острую осоку и влажный мох.

Несомненно, я – куманика. С тех пор как я в Испании, я *zarzamoras*, но многие зовут меня Морас. Латунная латынь позвякивает в памяти: мора – это промежуток времени. Самая малая единица времени в античном стихе. Четыре моры – это стопа дактиля. Три моры – стопа хорея. Восемь мор – плоскостопие и белый билет.

Будь здесь Ежи, мой виленский дружок, он сказал бы, что Мора – существо с двумя душами, порождение славянского душевного сна. У Моря прозрачное тело, длинные ноги и руки, она приносит зло помимо своей воли, но уберечься от нее легко – не нужно даже втыкать иголку в подол – стоит только сказать: приходи утром, дам тебе хлеба и соли.

Будь здесь Ежи, мой виленский дружок, он бы так и сказал. Но его здесь нет.

внегда исчезати от мене духу моему

некоторые вещи нащупываешь с досадой, будто выключатель в незнакомой комнате, но – вот он! вспыхивает свет, и ты выбрасываешь это из головы – теперь руки сами вспомнят, что кнопка справа от двери

со словами происходит обратное, стоит увидеть их устройство, нащупать кнопку, как смысл расплывается!

сегодня слышал много новых слов, потому что ходил к другому доктору, а в конце групповой терапии не смог упасть: все падали друг на друга, а я не смог, шатался, расставлял руки, но не смог

доктор говорит, что дело в образе матери – мол, я должен быть уверен, что если я стану падать, то кто-то невидимый поддержит меня сзади

надо зажмуриться и падать, будто в воду, рывкнул он, расправляя мне плечи своей ручищей, падайте! мать вас удержит!

но сзади стояла худенькая пия с третьего этажа, а не мать никакая, пия разговаривает со своей вязаной шапкой, куда уж ей удержать такое

Записки Оскара Тео Форжа

Лондон, третье ноября

Теперь, когда ко мне в руки попало письмо Иоанна Мальтийского, я почувствовал, как забытое уже любопытство щекочет мне горло. Текст этот, со всей для меня очевидностью, представляет собой практическое руководство. Можно сколько угодно врать самому себе, тянуть время, но рано или поздно наступает момент, когда нужно что-то сделать.

Наше внимание обслуживает причинно-следственные механизмы, оно привычно ищет и обнаруживает причины, перескакивая к следствиям; все объяснимо, привычно и не удивляет. Внимание натаскано на поиски причин, а сам сюжет Великого Делания заставляет переключить его на поиски подобия. Это совсем иная жизнь, в которой в другом ищут свое отражение, а в себе – след Другого.

Реальность в таком случае могла бы открыться гипотетическому наблюдателю как раскинувшаяся сеть подобий, сеть Индры, состоящая из драгоценных камней, в каждом из которых отражаются все остальные. Таким образом, мы переходим в режим поиска отражений и соответствий. Полагаю, что письмо Иоанна, небрежно заложенное в фармацевтический справочник, дождалось именно меня. Пожалуй, только я и способен по достоинству его оценить. Я не вор, хотя и взял то, что мне не принадлежало.

И вот еще что. Алхимия – это террор. Но только не такой террор, когда летят бомбы и свистят пули, а террор глубинный, когда человек вопреки всякому здравому смыслу и безо всякой надежды на результат занимается практической деконструкцией действительности. Своей собственной, в том числе.

Поэтому, как писал Кунрат, изучай, медитируй, трудись, работай, вари, и очистительный поток омоет тебя.

И мне не нужно предъявлять герметический сосуд и саламандру, полную луну и восходящее солнце – достаточно уже того, что я сам в здравом уме и полном рассудке понимаю: свободная мысль, а значит, и жизнь возможны только *вопреки*, все остальное лишь химические процессы.

Лондон, четвертое ноября

Ай да Тео! Нынче ночью перевел вторую страницу. Скоро заделаюсь заправским латинистом, хотя старика Соллерса мне все равно не переплюнуть.

«...Сообщается, что предметы сии есть разделенная на части первоматерия (prima materia). И хотя деление противно самой природе prima materia, но, будучи насильственным образом искусно разделенной, она принимает образы предметов, изготовленных рукой человека.

Природа и характер вещей таковы, что человек знающий соединит их без особого труда. Известная сложность заключается лишь в том, что каждому из предметов должны сопутствовать свободное намерение и воля. Поэтому каждый из предметов должен найти своего владельца и соединиться с сокровенным желанием, каковое у каждого человека бывает своим.

Но это только начало Великого Делания, потому что разделенная на части первоматерия должна обрести свою целостность. Части ее, наполненные жизненной силой своих владельцев, должны быть соединены правильным образом. Полученная *prima materia* – это чистая возможность, а *magisterium* образуется, если приложить к ней волю.

Да будет тебе известно, дорогой брат, что *prima materia* есть истинный мед бытия, но, к сожалению, для теперешнего погрязшего в грехах и безверии поколения мед этот может обернуться смертельным ядом. Ибо лишь истинная вера совместима с тем могуществом, что обретает тот, кто получает в свое распоряжение первоматерию.

Помнишь ли ты, что, прибыв на Мальту, я первым же делом попросил тебя найти мне подходящий тайник для реликвий, которые я будто бы привез с собой? Ты не задавал мне никаких вопросов, но понятно было, что ты решил, будто я похитил нечто ценное, а теперь хочу это спрятать.

Я тебя не виню. На твоём месте я, наверное, думал бы так же. Кто же в здравом уме оставит теплую должность подле Святого Отца?

Ты, должно быть, решил, что меня поймали на воровстве и, чтобы не поднимать лишнего шума, отправили в монастырь. Все это я читал в твоём взгляде, но уста мои были запечатаны обещанием, которое я дал всем братьям нашим, и поэтому только сейчас я могу открыть тебе правду: я действительно спрятал в тайнике некоторые вещи, и теперь ты знаешь, что они собой представляют.

Отправляясь на Мальту, я не имел ни малейшего представления о том, где мне предстоит оборудовать тайник, но один верный человек, имени которого я тебе называть не буду, рассказал мне о тебе и о том, что именно тебе известны тайны мальтийских подземелий. Я отправился один в пещеру Гипогеума и спрятал то, что мне поручили сохранить. Место это ты найдешь без труда, изучив прилагаемый к письму рисунок.

Брат мой, твоя скромность и смирение выше всяких похвал. Ты усомнился во мне, но непоколебимой осталась твоя вера в идеалы нашего братства, а поэтому лучшего хранителя, чем ты, и быть не может. Знай также, что Совет братства уже извещен мною и твоя кандидатура одобрена».

Морас

I shut my eyes and all the world drops dead

если бы вы заикались, говорит доктор дора, то знали бы первейшее средство от этого – не углубляться, не стараться, а скользить по поверхности, вне звука, вне движения воздуха

попробуйте вести себя как все, просто плывя по течению, не стараясь! говорит она, так раскатывая свое непостижимое *p*, что слово растягивается в долгий радостный крик кукабарры, это такая птичка, вроде зимородка, австралийские переселенцы называли ее *хохочущий ганс*

да у меня полвека ушло на то, чтобы научиться быть как все, говорю я, поднимаясь с кушетки, и где я теперь? и где эти все?

вы сопротивляетесь! доктор дора теребит свою брошку с выпуклым агатом, похожим на глаз пересмешника, брошка водит диковатым птичьим зрачком, а я смотрю в потолок, где качаются ветви бутылочного дерева, и думаю о саванне, это слово происходит от французского *как дела?* а дела у нас так себе – с начала августа мы не продвинулись ни на шаг, хмуро говорит пересмешник, придется мне передать вас доктору лоренцо

стоит зазеваться, говорю я, и человеческая природа тебя одолеет, это даже септимус знал, на что был дурачок

без даты

о чем я вообще думаю? проторчал половину ночи в этом баре боадас, наслушался дэвида бисбала, надышался коноплей и сбежал через служебный вход (прошел через стену, как святой фома)

фелипе говорит, раз уж я влюбился в парня, то должен знать, как это делается, вот я и пошел в боадас, выкурив для храбрости две ракеты, оливковый дэниэл (на самом деле хосе) привел меня в комнату за баром: кушетка и два стула с венским изгибом

tranquilo, hombre, сказал он, медленно расстегивая рубашку, он расстегивался, как кор-милици, я подумал, что сейчас он вытащит молочную грудь из корсажа и поднесет к моему рту, а потом примется присыпать мне между ног аптекарским тальком

видишь, сказал он, стягивая джинсы с голых бедер, какие они у меня круглые! как королевские буллы, не хватает только красных шнурков, ну давай, садись вот сюда и потрогай

ma non troppo! почему я заговорил с ним по-итальянски? почему засмеялся и ушел? иногда я вспоминаю все языки сразу, иногда говорю не своим голосом, трескучим, как запись довоенного тенора

ты милый, милый, *miu simpático*, твердил дэниэлихосе, давай увидимся завтра на твоей квартире? знал бы он, что это за квартира, думает, что я переодетый англичанин с деньгами, сан-жозепский зевака в поисках гниющего дна барселонеты

это все мой русский акцент – никто не слышит в нем воспаленного нёба, онемелой увулы, припухших связок, с такими связками можно петь *cante andaluz*, говорит моя каталонская профессор джоан жорди

ваша мембрана звучит суххестивно, говорит доктор дора

ноябрь, 4

ПРОПИСНЫЕ!!!

Когда я лежал во второй больнице, там была девочка Пия. У нее был целый ворох жестких золотистых кудрей, они стояли вокруг стертого лица, будто оправа у старинной броши с выпавшим камушком.

Пия хотела умереть. Поэтому у нее в палате все было пластмассовое. Даже зеркальце. От Пии пахло ванилью, как от свежей плюшки, она ходила со мной по коридору в халате с вышитым на кармане кроликом. В первой больнице нам не разрешали носить свою одежду и ходить по коридору с девушками. Девушек там и не было, только стриженные теткы, совсем старые.

Доктор сказал мне, что Пия скоро поедет домой, и я решил подарить ей что-нибудь на память. Нарисовал ее портрет в профиль и приклеил прядь волос к рисунку. Своих, потому что до Пииных было никак не добраться. А на место глаза приклеил синий кусочек стекла от разбитого термометра, я его еще раньше нашел в процедурной комнате. А ругать там уже не было.

Рисунок я подложил Пие под дверь. Это было поздно вечером, уже разносили сонные таблетки. Наутро она не вышла к завтраку, и я понес ей поднос с какао и печеньем, это у нас разрешали. Я дошел до ее двери, не расплескав ни капли, хотя пол был скользкий. Дверь в палату не открылась. На ужин Пия не вышла, мы вообще ее больше не видели.

Потом я забыл про нее. Может, ее и не было совсем.

ноябрь, 5

в вонючий бар боадас я больше не пойду, придется лукасу смириться с моей необстрелянностью, желторотостью и никудышностью

стоит мне увидеть чужое тело, как мое собственное сворачивается в клубок, как будто ему показали трехглавого пса у ворот аида, доктор дора тут бесполезна, а вот фелипе сразу все понял: тебе просто всех жалко, сказал он, поэтому голое тело внушает тебе одно желание – укрыть его от холода

напейся уже вусмерть и убей свою жалость, сказал он потом

у валлийцев в мабиногионе было три воинственных персонажа божественного происхождения, их жен звали: *och* – увы, *garim* – плач и *diaspad* – крик, а слуг звали так: плохой, худший и самый худший

вот я и думаю: чтобы стать по-настоящему воинственным, достаточно окружить себя подобными людьми

и божественное происхождение тебе не поможет!

Записки Оскара Тео Форжа

Лондон, шестое ноября

Ночью читал у Бликсен о палачах-паломниках, которые бродили по средневековой Европе, а за собой таскали палаческий скарб: тиски, щипцы, колеса и дыбы. Эти люди могли заплакать, когда вздумается, такая у них была особенность, вернее, особое умение. Задумался о том, какое у меня умение.

Я тоже таскаю за собой карандаши и блокноты, даже в подземке иногда пишу, не говоря уже о пабах или кафе. А вот умения особого не нашёл, даже с людьми разговаривать не научился. Не будь у меня на кафедре столько врагов, не сидел бы сейчас в этом подвале, заваленном коробками. Хотя, может, оно и к лучшему: такой случай не выпадет, если не забраться глубоко под землю. Вряд ли кто-то из моих коллег держал в руках такое сокровище, а если бы и подержали, то прочитали бы через пень-колоду.

Письмо Иоанна Мальтийского («Мальтийский» – это я хорошо придумал, ему бы и самому понравилось) производит довольно приятное впечатление. Совершенно очевидно, что автор знаком с трудами Филона.

Мир, жизнь, существование остаются – если верить Иоанну – лишенными смысла до тех пор, пока события не завершат свое *Transmutatio*, результатом которого станет выплавленный из этой лишенной смысла действительности магистерий. Сознательное соприкосновение с бессознательным, говорится в письме, даст о себе знать вспышкой яркого белого света, но ты продолжай: прокаливай, сублимируй, дистиллируй, но делай это не в колбе, а на открытой поляне, окруженный людьми.

Поляна меня несколько удивила. Еще меня настораживает упоминание жертв, *victimarium*, но продолжение этого куса осталось на шестой странице, которая потеряна, впрочем, речь, скорее всего, идет о каком-нибудь символе наподобие Пеликана, кормящего птенцов собственной кровью.

Впрочем, как рассуждает автор, философский камень может появиться в мире и без помощи алхимиков. Чаще всего так и бывает, поскольку адепты своими намерениями и волей только нарушают естественный ход вещей.

Засылая троянского коня, набитого их условными знаниями, к стенам действительности, они забывают, что в брюхе у него сидит еще один – набитый другими возможностями. А в том – еще один. И так без конца.

Итак, смысл, согласно подозрительно хорошо образованному келарю Иоанну, появляется в мире вследствие случайного и непреднамеренного сочетания стихий, веществ и духов, такое

может произойти раз в тысячу лет, а все остальное время весь этот никчемный балаганчик, *massa confusa*, заводит свою жестяную музыку безо всякого смысла. И безо всякой надежды.

Между прочим, очень похоже на правду, черт меня побери.

Морас

_moses

Я завел себе дневник в сети. Фелипе спрашивает, почему я взял такой ник. Я мог бы сказать ему, что мой старший брат вспыльчив и редко бывает доволен, точь-в-точь как старший брат библейского Моисея, что в детстве я заикался и он один мог разобрать вибрирующие горошины, сыпавшиеся из моего рта; что до золотых телят, так они давно пасутся у него вокруг дома, расчесанные на пробор и смазанные благовониями, куда ни глянь, мой брат – вылитый Аарон Левитянин!

До сих пор помню тот день, когда он сказал, что мне пора за границу ехать – учиться, он другое хотел сказать, ерзая в отцовском кресле у камина, постукивая чайной ложкой по чашке, будто царевич по мосту тросточкой, только в той сказке кувшинчик выскочил и стал перед царевичем плясать, а я даже пошевелиться не мог – так и сидел, уставившись в огонь, не в силах выплеснуть кислое и холодное, стоявшее в горле, да чего там – и в лобных синусах, и во всех соустьях.

Я ведь для тебя стараюсь, сказал брат, оставив наконец ложку в покое, знаешь сколько это стоит в год? Это же Барселона, там теплое море, там Гауди. Да ты сам не захочешь возвращаться! И потом – как нам жить вместе после того, что случилось?

Ясное дело, думал я, разглядывая каминную полку, надо ехать, хоть на теплое море, хоть на море Лаптевых, я для него фигурка, полученная в наследство, как вот этот фарфоровый морж с подробно вылепленными складками и улыбкой в заиндевелых усах. Нет, я для него кусок бесплодной земли в лопухах и молочае, да еще с погорелым театром, который хорошо бы снести.

ноябрь, 7

безденежье воеет в каминной трубе, будто красноглазая баныши, из-под двери дует, я не высыпаюсь и подурнел изрядно

взять бы да написать роман-свиток – папирус разворачивается медленно, постепенно обугливаясь, и наконец рассыпается совершенно, на глазах у читателя, или нет – медный свиток со списком сокровищ, со словами *четыре* и *золото*, нацарапанными кумранской иглой, читателю придется распиливать его на куски, проклиная тот день, когда он принес эту дрянь к себе домой

или вот, написать роман-зиппер, по ходу действия мягко расцепляющий крючочки смысла, оставляя читателя в недоумении, с расстегнутой парадигмой

или вообще не писать, а пойти и напиться с фелипе?

в зеркале не лицо, а вялотекущий ноябрь с кленовой пылью, бледный, как курсив переводчика

ноябрь, 11

Вот Фелипе говорит, что брат меня не любит, потому что не звонит и не пишет. Мол, избавился от меня и живет в свое удовольствие. Но если бы он не любил меня, мой брат, разве открыл бы он мне свой главный секрет?

Однажды, когда мы жили на даче, под Аникщяй, брат позвал меня на пляж рано утром, разбудил условным свистом под открытым окном. Все в доме еще спали, только няня возилась

на веранде с кофейником, мне очень хотелось кофе, но пойти с братом – все равно куда – было такой редкой, немыслимой удачей, что я быстро оделся и вылез в окно.

– Умеешь ли ты хранить секреты? – спросил он важно, когда мы шли на озеро, похрустывая соседскими дичками, яблок в то лето было такое множество, что ветки свешивались через забор до самой земли.

– Ну ты спросил! – возмутился я, остановившись посреди дороги. – Да у меня полный сад секретов! И под дубом, и под обоими кленами!

Мы пошли дальше, брат молчал и грыз яблоки, а я весь дрожал от знакомого предвкушения, с ним всегда было весело, хотя я знал, что меня ему навязывают, отец не любил, когда я один оставался дома.

– Видишь? – На пляже он сел у самой воды и показал на отпечаток тела в мокром песке, сначала я подумал, что это витрувианский человек, а потом различил крылья, они были похожи на журавлиные, я такие видел на гравюре Дюрера, где кудрявый ангел играет на лютне.

– Здесь был ангел, – сказал он хмуро. – Только никому не говори.

Я тоже сел и стал вглядываться. Крылья отпечатались почти незаметно, несколько белых перышек втиснулись в песок, я взял одно, чтобы показать отцу, но брат велел положить на место.

– А он еще прилетит?

– Разумеется, – кивнул брат. – Иногда они спускаются сюда, чтобы посмотреть с земли на небо. Не все же им смотреть с неба на землю. Будем последние дураки, если пропустим такое. К тому же ангелам этого не разрешают, так что он вроде как в самоволке. Придется сторожить. Я – ночью, ты – днем. Идет?

Я закивал головой, испугавшись, что он передумает. Передумывать он умел быстро и беспощадно.

– Смотри, не проболтайся, люди шум поднимут, затопчут тут всё! – Он отряхнул брюки и пошел матросской походкой в сторону поселка.

А я остался сторожить. Прошло часов пять, или семь, или сто, я прикончил яблоки и очень хотел пить, но ангел все не прилетал. Пляж опустел, только в дальнем его конце какой-то дядька делал приседания, сверкая терракотовыми гладкими плечами. Спустились сумерки, я замерз и ходил по берегу туда и сюда, высматривая ангела с запада и брата с востока. Когда совсем стемнело, брат пришел с другой стороны – с юга, точнее, прибежал запыхавшись.

– Быстро домой! – Он взял меня за руку и потащил в лес, чтобы вернуться коротким путем. – Отец по поселку ходит, ищет тебя.

– А если он прилетит? – Я выдергивал руку и упирался как мог.

– Не прилетит! – Брат мотал головой. – На закате они обычно заняты. Письма разносят. На закате у почтовых ангелов самая работа. У нас есть час на пересменку. А через час я сюда вернусь, честное слово!

И он вернулся. Я точно знаю, я ночью заходил в его комнату, там никого не было, только одеяло свернутое – мой брат уважал традиции и все делал правильно, даже из дому сбегал, как в книжке. Оставляя чучелко.

Дома мне здорово попало, и с тех пор я старался приходить до заката, хотя не был уверен – и это меня мучило, – что ангел не прилетит во время смены караула. Отпечаток на песке давно стерся, но я помнил это место и время от времени подрисовывал палочкой круглый, размашистый контур. А потом лето кончилось, мы уехали в город, а потом папа умер.

Спустя десять лет я вернулся на озеро – до Аникшьяй на пыльном автобусе и потом минут сорок пешком, – но на пляже, на том самом месте, сидели тетки в сарафанах и смеялись над лысым загорелым спутником, который стоял на камне на одной ноге, изображая цаплю или еще какую-то птицу, у теток блестели красные лица, и рты были красные, и в них дрожали красные языки. На газете перед тетками стояла бутылка толстого стекла и лежала полумертвая

рыба. Рыба тоже дрожала – зазубренным хвостом, почти незаметно. Нечего было и думать, что ангел решится заглянуть сюда в ближайшие сто тысяч лет. Я бы на его месте не заглянул.

Джоан Фелис Жорди

To: info@seb.lt, for NN (account XXXXXXXXXXXXX)

From: joannejordi@gmail.com

Здравствуйте, мой дорогой NN,

сегодня обнаружила, что неделю вам не писала, была ужасно занята и изрядно нервничала. На нашей кафедре происходили метаморфозы в духе Апулея, только колдуньино питье плеснули сразу пятерым, и ослы получились едва позолоченными, похоже, зелье было разбавлено.

Надеюсь, вы получили мое прошлое письмо и молчите оттого, что заняты своим вечным углем или антрацитом, – так я каждый раз объясняю себе ваше молчание. Доктор Лоренцо говорит, что М. следует закончить курс, но у меня есть стойкое ощущение, что он не уверен в диагнозе и все строго распланированные таблетки, которыми пичкают вашего брата, – это набор разноцветных плацебо.

Желатиновые пустышки и долгие беседы ни о чем за полторы сотни евро в день. Не подумайте, что я считаю ваши деньги, просто не вижу смысла в этом лечении, за которое вы так аккуратно платите. Не думаю, что тот случай в университете убедил вас, что у М. начался рецидив. Иногда мне кажется, что вам просто спокойнее, когда он в клинике.

Я много говорила с врачами, но поверьте мне – рассуждения о первичном инфантильном нарциссизме и компенсаторных фантазиях не стоят одного дня, проведенного с вашим братом, и я стараюсь проводить с ним время как можно чаще. Если врачи его со мной отпускают, разумеется.

Врачи здесь – это особый разговор. Двое терапевтов, наблюдающих его – слово *наблюдающих* здесь наиболее уместно, поскольку М. никто не лечит, – это фрейдист и юнгианец в одной упряжке. Я поняла это, когда – после долгих уговоров! – получила на руки запись бесед с доктором Лоренцо и вторым, этим волосатым, невыносимым Гутьересом.

Ваш брат говорит, что из-за дождя не пойдет сегодня в парк, и Лоренцо потирает руки: классическая тревожная истерия! М. рассказывает, что в детстве хотел настоящий боевой веер, чтобы подавать сигналы самураям, стоя на вершине холма, а Гутьерес хватает перо и пишет о грезоподобном чувственном бреде. Послушайте, всему есть предел, даже шарлатанству, но вас, судя по всему, этот предел не слишком интересует.

Интересно, что бы вы делали, если бы я не приехала тогда в клинику, то есть – если бы в тот день вызвали другого преподавателя или, скажем, декана? Или какого-нибудь усталого чиновника из *Extranjería*?

Когда врачи позвонили в администрацию и потребовали привезти документы госпитализированного студента, секретарь в панике позвонила мне – потому лишь, что я говорю по-русски, хотя это умение мне не пригодилось: М. говорит на достойном испанском, если вообще говорит.

Позднее я нашла ваш адрес в бумагах университетской канцелярии, правда, это был не домашний адрес, а банковский, но раз с него поступали деньги за обучение, я решила, что банк перешлет вам письма, если я укажу номер счета. До сих пор не знаю, так ли это, впрочем, все равно.

Обнаружив вашего брата в палате, накачанного сонными растворами, красноглазого, бледно улыбающегося, я с трудом узнала своего лучшего

студента, написавшего курсовую по «Искусству стихосложения» де Вильена, и при этом – единственного человека в группе, пожелавшего, чтобы преподавание шло на каталанском, а не на кастельянос, а это редкость!

Когда я зашла в палату, он сказал, что разбил витраж потому, что солнце в нем казалось больным, и медленно мне подмигнул. Мне вдруг стало ясно, что я всегда не любила этот витраж возле столовой, синие стекла в свинцовых перепонках, и я кивнула. Мне было жаль вашего брата, но дни шли за днями, и жалость постепенно заменилась удивлением, на этом удивлении и держится наша дружба, совершенно необъяснимая. И наша с вами переписка, между прочим.

Не думаете же вы, что я навещаю М. и – вероятно, не слишком умело – стараюсь скрасить его пребывание в клинике лишь для того, чтобы получать от вас чеки, которые вы педантично пристегиваете к оплате за лечение, а доктор с понимающей улыбкой вручает мне раз в месяц?

Эти деньги я не трачу, разумеется. Они лежат у меня дома в коробке из-под датских бисквитов. В день, когда мальчика выпишут, они ему понадобятся, я полагаю. А в том, что его выпишут, я ничуть не сомневаюсь.

Фелис

**To: Mr. Chanchal Prahlad Roy,
Sigmund-Haffner-Gasse 6 A-5020 Salzburg
From: Dr. Jonatan Silzer York,
Golden Tulip Rossini,
Dragonara Road, St Julians STJ 06, Malta**
(рекламная открытка, написанная в мебельном магазине)
Чанчал!

Свершилось. Я купил себе лампу с развесистым абажуром. В этом отеле совершенно нет условий для работы – стол узкий, будто подоконник, испанский пыточный стул с прямой спинкой; о лампе и говорить нечего – неоновый глаз, небрежно выдранный и висящий на пластиковой нитке, у меня от него неизменно сохнет роговица.

Помнишь бархатный «duchesse brisée» в моей зальцбургской квартире? Ты называл его безобразной герцогиней, хотя он стоил мне состояние и совершенен в своей простоте, только пуфик местами потерялся. И тот шезлонг, что я купил в антикварном для тебя, когда ты сказал, что не любишь сидеть на мягком? Ты еще называл его *chaise longue*, оттого что, устроившись на нем, ты всегда принимался болтать, будто на кушетке психоаналитика.

Я все помню. Denk an mich!

ЙЙ

Морас

ноябрь, 12

Мой брат всегда старался, чтобы вместе нас не видели. Однажды он взял меня в гости к своим друзьям, я очень просил. Это была среда. Наверное, июль. Там была девочка, она садилась ко всем на колени и пахла сыроежками, все ее щекотали, а я столкнул, не помню ее имени.

И что толку в имени? Мой пансион в Барселоне называли «Приморский тополь», а нет ни тополей, ни моря, ни интернета.

Доктор Родригес велел мне писать дневник, и я пишу. Раньше я писал его на жестком диске, сидя на подоконнике, в час по чайной ложке. А теперь пишу прямо в сети – боюсь потерять компьютер. Я даже браслет больничный умудрился потерять, а он на запястье запаян. Где ты теперь, мой браслетик, какая сорока закопала тебя в соломе? Пластиковый закрыватель дверей и разрушитель всех собраний. Апельсинового цвета.

А у доктора браслет цвета *verde vivo*, перед таким разъезжаются стеклянные стены и отпираются гремучие засовы, вот бы украсть его и прогуляться на чердак, где гудят белоснежные совы и летучие хмурые мыши висят на жердочках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.